

В.А. Золотарёв©, Ф.О. Трунов©

Особенности урегулирования вооруженных конфликтов в современном мире

***Аннотация.** В статье изучается вопрос, связанный с определением места вооруженных конфликтов среди спектра угроз в области международной безопасности. Даются дефиниции терминов «вооруженный конфликт» и «военно-политический кризис», выделяются их отличительные черты. В работе представлены схемы урегулирования данных видов вызовов военного характера и выделены ключевые трудности осуществления данного процесса в современных условиях.*

***Abstract.** The article tends to determine the place of armed conflicts among the challenges in the sphere of international security. The paper gives definitions of the terms «armed conflict» and «military-political crisis», and also highlights the differences between them. The article presents the schemes of these types of military challenges regulation and determines key difficulties of this process in modern circumstances.*

***Ключевые слова:** вооруженные конфликты, военно-политический кризис, международная безопасность.*

***Keywords:** armed conflicts, military-political crisis, international security.*

В современных реалиях вооруженные конфликты являются одной из ключевых угроз безопасности – как сами по себе, так и в качестве причин возникновения других вызовов. Развитие системы международных отношений в конце XX – начале XXI в.

характеризуется высоким уровнем флуктуационности. При этом неотъемлемой частью сдвигов мирополитического ландшафта выступают именно вооруженные конфликты. Так, процесс распада Югославии сопровождался чередой всплесками длительного (до пяти лет) организованного насилия; образование постсоветского пространства – более чем пятью. Показательно, что с 1990-х годов именно в Европе, остававшейся зоной стабильности после окончания Второй мировой войны¹, вспыхнула череда вооруженных конфликтов.

В середине – второй половине 2010-х годов именно данный тип угроз стал наиболее опасным для стран – участниц Европейского союза. Так, разрастание вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке привело к возникновению и проецированию на территорию ЕС двух тесно связанных масштабных вызовов безопасности, а именно – нелегальной миграции и активизации на территории объединения сил международного терроризма (как боевиков «спящих ячеек», так и вновь прибывших из нестабильных стран Леванта). Еще более заметными, но пока потенциальными очагами для проецирования данных угроз на территорию Европейского союза являются охваченные вооруженными конфликтами страны Северной Африки (в особенности Ливия), Сахеля (в первую очередь, Мали) и Африканского Рога (Сомали). Одновременно государства – члены ЕС столкнулись с проблемой «замораживания» (не говоря уже о полном урегулировании) вооруженного конфликта на востоке Украины. Есть основания предполагать, что он может стать первым звеном в новой цепи всплесков организованного насилия на европейском континенте. Такой сценарий возможен, в частности, в случае перехода из «тлеющей» в «горячую» фазу конфликта в Боснии и дестабилизации обстановки в Приднестровье. Однако масштаб и географический охват уже «вспыхнувших» очагов организованного насилия в Европе, на Ближнем Востоке и в

¹ В годы холодной войны в Европе происходили военно-политические кризисы, однако ни один из них не перерос в состояние военного конфликта. Нельзя признать таковыми и кратковременные использования вооруженных сил блоков для поддержания конституционного порядка в отдельных государствах-членах, в частности в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968).

Африке достаточен для создания «каркаса» протяженной зоны нестабильности, которая несет обоюдную угрозу не только для западных стран и институтов, но и для России.

Признание опасности роста числа вооруженных конфликтов нашло отражение на доктринальном уровне внешней политики РФ, равно как и ведущих стран – участниц ЕС и НАТО, в частности ФРГ. Так, в действующей концепции внешней политики России (2016) при рассмотрении группы угроз безопасности военно-политического характера отмечается значительное снижение риска начала крупномасштабного конфликта с применением оружия массового поражения (ОМП) (ограниченного или всеобщего), равно как и с использованием исключительно конвенциональных вооружений. Одновременно в доктринальном документе обращается внимание на рост числа вооруженных конфликтов и тесно связанные с этим активизацию структур международного терроризма, незаконное (в основном трансграничное) перемещение боевиков, различных видов вооружений и взрывчатых веществ. Кроме того, отмечается опасность неконтролируемого распространения технологий производства ОМП и его носителей [Концепция..., 2016]. Одновременно возрастает острота и значимость угроз социально-экономического характера, к которым относятся, в частности, нехватка жизненно важных ресурсов (особенно продовольствия и питьевой воды) и низкий уровень социального обеспечения (в том числе медицинской помощи) [Концепция..., 2016]. На практике возникновение отмеченных невоенных вызовов часто обусловлено вооруженными конфликтами. В Белых книгах, характеризующих политику Германии в области безопасности и будущее развитие бундесвера (2006 и 2016) – основополагающих доктринальных документах в данной области, – вооруженные конфликты неизменно входили в число трех-четырех наиболее значимых угроз [Weissbuch..., 2006, S. 19; Weissbuch..., 2016, S. 38]. ФРГ также признает тесную взаимосвязь вспышек организованного насилия и возникновения невоенных вызовов, в том числе угрозы «обрушения» института государства [Weissbuch..., 2016, S. 38–39].

Задача данной статьи – определить особенности урегулирования вооруженных конфликтов в современных мирополитиче-

ских реалиях. В настоящее время международным научным сообществом (и особенно исследователями-социологами и политологами) создан колоссальный теоретический задел в области конфликтологии. При этом иностранные авторы (в частности, англосаксонские [Buzan, Hansen, 2009; Burton, 1993; The handbook..., 2014; Seckinelgin, 2012; Waltz, 2010] и германские [Bendick, 2004; Toth, 2011; Yigit, 2015]) уделяют хотя и значительное, но все же недостаточное внимание вопросам, посвященным такому специфическому направлению, как развитие вооруженных конфликтов. В этой связи данная статья представляет собой попытку структурировать и дополнить существующие представления о вооруженных конфликтах и вопросах их урегулирования в современных реалиях с точки зрения международных отношений. Необходимо подчеркнуть, что в научных исследованиях (особенно – у западных специалистов), как правило, не дифференцируются значимые и весьма разнящиеся по своей сути понятия «вооруженный конфликт» и «военно-политический кризис», а потому данный вопрос находится в фокусе внимания настоящей работы.

Дефиниции понятий «вооруженный конфликт», «война» и «военно-политический кризис»

На Западе изучением вооруженных и военных конфликтов занимается целый ряд научных школ. Наиболее значимыми являются разработки специалистов следующих научных организаций:

– Упсальский университет (Швеция), сотрудники которого в составе Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ)¹ изучают динамику, детерминированность, качественные и количественные параметры вооруженных и военных конфликтов;

– Гамбургский университет (Германия), осуществляющий программу АКУФ², в рамках которой ведутся разработки по определению географии и конструированию войн;

¹ Англ. *Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI)*.

² Нем. *Arbeitsgemeinschaft Kriegsursachenforschung – Рабочая группа по исследованию причин войн и военных конфликтов.*

- Университет штата Мичиган (США), реализующий программу сбора и анализа информации обо всех конфликтах с применением силы после 1816 г., известную как программа COW¹ (см.: [Wallensteen, 2011, p. 18]).

Исследователи данных научных школ признают близость терминов «война» («военный конфликт») и «вооруженный конфликт», а в качестве основы для их разделения используют, в основном, количественные параметры [Ibid., p. 18–19].

Сообразуясь с этим, авторы настоящей статьи предлагают принять следующие дефиниции. *Война (war)* – это форма силового противоборства, при котором воюющие стороны имеют официальное международное признание и за год или за весь период боевых действий, если он меньше 12 месяцев, погибает более 1 тыс. его вооруженных участников (комбатантов). *Вооруженный конфликт (armed conflict)* – это форма организованного насилия, при котором часть сторон не имеет международного признания и (или) за год или за весь период боевых действий, если он меньше 12 месяцев, погибает до 1 тыс. комбатантов (см.: [Sarkees, 2010]). Как следует из представленных определений, подавляющее большинство вспышек организованного насилия в современном мире, в том числе в Сирии и Ливии (с 2011 г.), следует причислять к категории вооруженных конфликтов и лишь немногие – например, кампании «коалиций желающих» во главе с США и Великобританией против Ирака (1991 и 2003 гг.) – к войнам.

Необходимо также определить понятие «участник (сторона) вооруженного конфликта» (*party of conflict*). По мнению группы западных исследователей во главе с Т. Матёёком и Дж. Сенехи, сторонами вооруженных конфликтов могут являться как государства, так и отдельные религиозные и этнические группы (меньшинства), а также неправительственные структуры различной направленности (см.: [Critical issues., 2011]).

В западной историографии, как уже отмечалось, отсутствует определение понятия «военно-политический кризис». Восполнить этот пробел можно, обратившись к труду отечественных исследо-

¹ Англ. *Correlates of War Project* – Программа «Корреляты войны».

вателей С.Я. Лавренова и И.М. Попова, которые предложили дефиницию данного термина применительно к реалиям холодной войны: «Кризис возникает вследствие предшествующего развития межгосударственного конфликта как его острейшая фаза, означающая, что в своем развитии конфликт приобрел опасный характер, а использование широкого спектра экономических, политико-дипломатических, политико-психологических, идеологических, международно-правовых средств для разрешения противоречий не привело к успеху» [Лавренов, Попов, 2003, с. 456–457].

Авторы настоящей статьи согласны, что основным признаком возникновения военно-политического кризиса является угроза широкомасштабного применения военной силы в отношении одного из акторов (группы акторов) мировой политики, причем *до реализации* ее на практике. Это, однако, не исключает необходимости внесения корректировок в представленное определение с учетом современных реалий.

Во-первых, военно-политический кризис может быть инициирован не только странами (в реальности он может быть инициирован лишь наиболее мощными из них – державами), но и влиятельными негосударственными акторами (НГА). К числу таких в первую очередь относятся структуры интернационального терроризма, способные создавать серьезные угрозы безопасности даже для самых влиятельных государств (см. табл. 1). Но следует признать, что с начала 1990-х годов большинство военно-политических кризисов (75%) инициировалось именно державами, а не НГА.

Во-вторых, в работе С.Я. Лавренова и И.М. Попова не соотнесены понятия «военно-политический кризис» и «вооруженный конфликт»; лишь уточняется, что первый может быть результатом развития межгосударственного конфликта – как с применением силы, так и исключительно политического [Лавренов, Попов, 2003, с. 456–457]. Так, иракскому кризису (5 февраля – 19 марта 2003 г.) предшествовало возникновение политических противоречий, не сопровождавшихся даже ограниченным применением силы. Напротив, косовский военно-политический кризис стал результатом затягивания вооруженного конфликта между албанскими повстанцами и сербской (югославской) стороной: при этом вооруженный конфликт и военно-политический кризис протекали параллельно.

Таблица 1

Международные акторы – инициаторы
военно-политических кризисов

Территория возникнове- ния кризиса (регион, дата)	Инициаторы-державы				Структуры междуна- родного терроризма	
	США	Велико- британия	Франция	Герма- ния	«Аль- Каида»	«Исламское государство»
Ирак (1991)	+	+	+	-	-	-
Босния (1995)	+	+	+	+	-	-
Косово (1998; 1999) ¹	+	+	+	+	-	-
США (2001) ²	-	-	-	-	+	-
Ирак (2003)	+	+	-	-	-	-
Ливия (2011)	+	+	+	-	-	-
Сирия (2013)	+	-	+	-	-	-
Франция (2015)	-	-	-	-	-	+

Для устранения возникшего противоречия, следует понимать, что у любого военно-политического кризиса, инициированного державами, возможны лишь два вида окончания³: примирение сторон или начало войны (военного конфликта), которая по

¹ Имели место два витка кризиса (с 8 октября по середину ноября 1998 г. и с середины февраля по 24 марта 1999 г.), между которыми наблюдался период значительного снижения напряженности в связи с подготовкой соглашения в Рамбуйе.

² В случае с военно-политическими кризисами, организованными НГА, четко определяются даты их начала – моменты совершения крупнейших терактов (11 сентября 2001 г. в США и 13 ноября 2015 г. во Франции). Временем окончания кризиса следует признать начало боевых действий против данных структур международного терроризма.

³ В случае с военно-политическими кризисами, инициированными структурами международного терроризма, их развитием становится исключительно вооруженный конфликт, поскольку террористические организации в принципе не могут иметь международного признания. Однако и в этом случае масштаб прямого применения силы со стороны объекта нападения может быть весьма значителен.

своим количественным характеристикам превосходит вооруженный конфликт. Соответственно, кризис как острая фаза предвоенных отношений сторон может сопровождаться организованным насилием в ограниченных формах. Необходимо также выделить еще ряд отличий военно-политического кризиса от вооруженного конфликта:

- военно-политический кризис имеет определенную продолжительность (от нескольких дней и даже часов до двух месяцев), притом что вооруженный конфликт может длиться (особенно в «тлеющем» состоянии) годами и десятилетиями;

- военно-политический кризис отличает стремительное изменение обстановки (обычно в сторону ухудшения), что далеко не всегда характерно для развития вооруженного конфликта.

Необходимо обратить внимание, что быстротечность – черта, далеко не обязательно присущая другим типам кризисов (например, экономическому). Поэтому при изучении военно-политических кризисов особое внимание необходимо уделять психологическим портретам лиц, принимающих решения, поскольку на них оказывается колоссальное давление вследствие высокого динамизма развития событий.

С учетом внесенных корректировок авторы настоящей статьи предлагают принять следующую дефиницию понятия «*военно-политический кризис*»: это острейшая фаза вооруженного и (или) политического конфликта между государствами или государствами и НГА, характеризующаяся наличием масштабной угрозы применения военной силы (начала войны) в условиях исчерпания широкого спектра несиловых средств для разрешения противоречий.

Следуя предложенным дефинициям, уместно ниже выстроить общие схемы урегулирования рассмотренных видов военных угроз.

Факторы, затрудняющие урегулирование вооруженных конфликтов в современных реалиях

Конфликты как феномен развития общества и государства выступают объектом для изучения свыше двух тысяч лет. Однако вплоть до 1990-х годов основное внимание исследователей было

сфокусировано на самом конфликте, но не на способах и трудностях его урегулирования [Hauss, 2010, p. 28]. Скандинавский конфликтолог П. Валленстин указывал в этой связи, что вплоть до окончания холодной войны господствовала точка зрения, согласно которой урегулирование теряет свой смысл сразу же после завершения «горячей» (или собственно боевой) фазы развития вооруженного конфликта [Wallensteen, 2011, p. 19]. Ошибочность данного положения отчетливо проявилась в реалиях постбиполярного мира – срывы попыток политического примирения и сближения сторон все чаще наблюдаются уже после окончания боевых действий, что приводит к возобновлению последних.

Отечественный исследователь, экс-министр иностранных дел России И.С. Иванов также обратил внимание на значительное увеличение сложностей в деле урегулирования вооруженных конфликтов по сравнению с периодом холодной войны. И.С. Иванов объясняет это тем, что работавший на протяжении противостояния Запад–Восток «принцип сдерживания на глобальном уровне оказывается очевидно устаревшим, а на региональном уровне он вообще перестает работать» [Иванов, 2011]. Для стран – участниц НАТО и ОВД и их партнеров было характерно понимание того, что локальный вооруженный конфликт мог в случае затягивания приобрести глобальное измерение, т.е. перерасти в третью мировую войну. Риск неконтролируемой эскалации обеспечивал заинтересованность государств и особенно сверхдержав к «купированию» и скорейшему урегулированию вновь возникавших очагов вооруженных конфликтов, что существенно сокращало их число и продолжительность [Там же].

С точки зрения авторов данной статьи, уместно выделить еще ряд факторов, в современных реалиях затрудняющих урегулирование вооруженных конфликтов. Один из них – рост влияния на ход вооруженных конфликтов различных негосударственных акторов и международных организаций. Это положение входит в противоречие с традиционным тезисом М. Вебера о том, что лишь государство обладает легитимным правом на насилие [Weber, 2009, p. 154–156]. В годы холодной войны при рассмотрении вопросов влияния международных организаций на ход вооруженных кон-

фликтов ключевое внимание уделялось ООН. На современном этапе все большее значение приобретает деятельность региональных структур, в ряде случаев решающих задачи глобального характера: институтов Евро-Атлантического сообщества (ЕС, НАТО), а также объединений и организаций, созданных за пределами коллективного Запада, в частности ШОС и ОДКБ.

Здесь следует подчеркнуть, что в настоящее время значительно расширился спектр потенциальных участников (сторон) вооруженного конфликта. Помимо государств (в случаях внутренних вооруженных конфликтов – официальных властей страны) сторонами вооруженного конфликта становятся различные умеренные (в том числе – условно умеренные) оппозиционные группировки, а также структуры интернационального терроризма. В Сирии (с 2011 г.) значимыми сторонами вооруженного конфликта стали «Исламское государство» и «Джебхат Ан-Нусра», в Сомали – движение «Аш-Шабаб», в Мали – «Ансар-ад-Дин» и «Аль-Каида в Исламском Магрибе», не говоря о множестве более мелких. Так, только на территории Афганистана по состоянию на ноябрь 2017 г. действовали боевики 22 (!) структур международного терроризма¹. При этом обычно рост числа террористических группировок и, главное, численности входящих в них боевиков находится в прямой зависимости от продолжительности вооруженного конфликта. Примирение с этими силами невозможно в принципе; значит, полноценное урегулирование может быть обеспечено только после разгрома (или, как минимум, решающего ослабления боеспособности) структур международного терроризма. Подавляющее большинство террористических группировок (за исключением «Исламского государства») имеют горизонтальную структуру управления. Это означает, что разгром одного отряда (сил «полевого командира») не приводит к ослаблению боеспособности других отрядов.

Следующий фактор, затрудняющий урегулирование вооруженных конфликтов, – интернационализация большинства из

¹ Информация получена авторами из выступлений представителей Посольства Афганистана на ежегодной международной конференции, посвященной ситуации в этой стране, проведенной в РУДН 1 декабря 2017 г.

них. Как показывает практика, число вовлеченных в ход конфликта (и его урегулирования) внешних акторов также растет прямо пропорционально продолжительности боевых действий.

В ряде случаев – в частности, когда речь идет о внутренних конфликтах, – примирение сторон – участниц организованного насилия практически невозможно без внешнего посредничества, а иногда – без ограниченного применения военной силы для давления на одну из конфликтующих сторон. Вместе с тем дивергенция позиций внешних акторов может оказывать весьма заметное негативное влияние на ход урегулирования. Государства и институты, принимающие на себя роль «третьей стороны», на деле часто оказывают поддержку лишь одному из участников боевых действий, не проявляя готовности к тому, чтобы встроить в переговорный процесс других участников на равноправных началах. Так, в Ливии (в 2011–2012 гг.) и в Сирии (на временном отрезке с 2011 до 2016 г.) западные страны развивали многовекторное сотрудничество с умеренной (в том числе – условно умеренной) оппозицией, полностью заморозив диалог с официальными властями этих стран. С точки зрения авторов статьи, это стало одной из причин эскалации конфликтов, а также глубокой дестабилизации обстановки, особенно в Ливии. В Сирийской Арабской Республике лишь после того, как при активной посреднической роли РФ и части стран Запада начал налаживаться полноценный межсирийский (национальный) переговорный процесс, стали различимы общие контуры урегулирования вооруженного конфликта. Первыми шагами на пути к достижению данной цели следует признать заключение ряда договоренностей о прекращении огня (хотя и реализованных лишь частично) и создание «зон деэскалации» (с марта 2016 г.).

Наконец, есть еще один фактор, усложняющий урегулирование вооруженных конфликтов в современных реалиях. Дело в том, что после окончания холодной войны большинство вооруженных конфликтов имели уже не меж-, а внутригосударственный характер (см.: [Социология., 2004]). Соответственно, поиск путей примирения (и последующая реализация договоренностей) между официальными властями и противостоящими им силами (особен-

но так называемой «непримиримой оппозицией») значительно более сложен, чем на межгосударственном уровне.

Все эти факторы, часто оказывающие противоречивое влияние на ход урегулирования вооруженного конфликта, должны обязательно учитываться при выстраивании общей схемы урегулирования.

Схемы урегулирования вооруженных конфликтов и военно-политических кризисов

В западной историографии выделяют две формы окончания вооруженного конфликта, различающихся по степени завершенности данного процесса.

Первая форма – *урегулирование конфликта (conflict resolution, conflict settlement)*¹ – максимально полное устранение невоенными (в частности, политико-дипломатическими) средствами противоречий, приведших к началу боевых действий, при минимизации риска их возобновления [Ramsbotham, Woodhouse, Miall, 2011, p. 31].

Вторая форма – *управление конфликтом, или регулирование конфликта (conflict management, conflict regulation)*. Под этим термином подразумевается возможность контроля над ходом вооруженного конфликта с целью недопущения его неограниченного разрастания и достижения скорейшего завершения (невозобновления) «горячей» фазы [Ramsbotham, Woodhouse, Miall, 2011, p. 31; Wallensteen, 2011, p. 8].

Западные исследователи создали несколько детальных, достаточно близких друг другу по содержанию схем, описывающих фазы развития вооруженного конфликта и соответствующие меры по его урегулированию. Авторы настоящей статьи, опираясь на теоретические разработки американско-британских исследователей О. Рамсботэма, Т. Вудхауса и Х. Майала, а также Й. Галтунга [Ramsbotham, Woodhouse, Miall, 2011, p. 13; Galtung, 2011], попыта-

¹ Понятие «разрешение конфликта» – дословный перевод на русский язык выражения «*conflict resolution*» – в данном случае не может быть принято, так как «разрешение» подразумевает использование в основном силовых средств и, главное, не означает примирения сторон как обязательного элемента урегулирования.

лись дать обобщенный вариант такой схемы (табл. 2). В крайнем правом столбце таблицы определяется вероятность участия внешних акторов в реализации представленных мер по урегулированию (по возрастающей шкале от «1» до «10»).

Таблица 2

Модель развития и урегулирования вооруженного конфликта

№ этапа	Обозначение	Ключевой метод урегулирования	Вероятность вмешательства внешних акторов
1	Появление различий (differences)	Ценностно-культурное примирение	3
2	Проявление противоречий (contradiction)	Многовекторное спланированное миротворчество	5
3	Поляризация позиций (polarization)	Усилия по примирению элит	6
4	Применение силы (violence)	Миротворчество	8
5	Боевые действия (war)	Ограничение боевых действий	9
6	Прекращение огня (ceasefire)	Миротворчество	8
7	Достижение договоренностей (agreement)	Усилия по примирению элит	7
8	Нормализация отношений (normalization)	Многовекторное спланированное миротворчество	6
9	Примирение (reconciliation)	Ценностно-культурное примирение	5

Следует признать, что данная схема, во многом основанная на теоретических представлениях о процессе урегулирования, обладает существенным недостатком: на практике обычно сложно бывает определить границы большинства этапов и, вследствие этого, выбрать методы урегулирования, что приводит к потере

времени, способствует эскалации конфликта и его переходу в «горячую» фазу.

С точки зрения авторов статьи, более релевантной является схема урегулирования, представленная в докладе Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали «Повестка дня для мира: Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» (1992) [Повестка дня., 1992]. Согласно этому документу, процесс урегулирования вооруженного конфликта включает в себя четыре основных этапа (табл. 3).

Таблица 3

Этапы урегулирования вооруженного конфликта

№ этапа	Название	Задачи урегулирования на данном этапе
1	Превентивная дипломатия	– предупреждение возникновения споров между сторонами; – недопущение перерастания существующих разногласий в конфликты; – ограничение масштабов конфликтов в случае, если они возникли
2	Миротворчество	– склонение враждующих сторон к договоренностям о прекращении огня (в первую очередь, с использованием средств и возможностей, обозначенных в главе VI Устава ООН)
3	Поддержание мира	– обеспечение присутствия контингентов ООН в районе прекращенного вооруженного конфликта при условии обязательного согласия всех заинтересованных сторон
4	Миростроительство	– примирение сторон конфликта, включая поиск и поддержку сил, заинтересованных в упрочении мира в зоне прекращенных боевых действий и дальнейшей нормализации отношений

При наложении двух схем (табл. 2 и 3) друг на друга видно, что *превентивная дипломатия* эффективна на начальных этапах развития конфликта (включая период поляризации отношений) вплоть до открытого применения силы. При этом вероятность ус-

пеха предупредительных дипломатических усилий тем выше, чем на более ранней стадии конфликта они прилагаются.

Миротворчество включает в себя комплекс мер по деэскалации конфликта в период его основной, «горячей», фазы. К их числу относятся не только политико-дипломатические и экономические усилия, но и применение военных инструментов, но лишь в соответствии с уставом ООН (в частности, со ст. 51 о праве на самооборону) и в строго определенных пределах. Выход за эти пределы может привести к обратному эффекту – к новому витку эскалации вооруженного конфликта вместо урегулирования, как это было после начала операции ВВС части стран – участниц НАТО по установлению бесполетной зоны над Ливией на основании резолюции 1973 Совета Безопасности ООН (2011). Примером результативной операции по принуждению агрессора к миру следует признать действия Вооруженных Сил России после нападения войск Грузии на Южную Осетию 8 августа 2008 г., т.е. действия по одностороннему «размораживанию» вооруженного конфликта¹ [Краткая хронология..., 2008].

Поддержание мира, включающее в том числе небоевую деятельность контингентов войск внешних акторов по предотвращению возврата конфликта в «горячую» стадию, осуществляется на фазах от прекращения огня до нормализации отношений сторон конфликта.

Наконец, *миростроительство*, как комплекс преимущественно политико-дипломатических и экономических усилий, реализуется вплоть до полного примирения сторон, т.е. урегулирования вооруженного конфликта.

В своем докладе, подготовленном при участии группы технических экспертов ООН, Б. Бутрос-Гали обратил внимание на долгосрочную тенденцию роста числа вооруженных конфликтов в условиях формирования постбиполярного миропорядка после окончания холодной войны. При этом он подчеркнул необходи-

¹ Правовой основой для действий РФ была ст. 51 Устава ООН о праве на самооборону, так как на территории Южной Осетии нападению со стороны Грузии подверглись российские миротворцы, а часть населения имела гражданство РФ.

мость активного вовлечения в урегулирование вооруженных конфликтов заинтересованных внешних акторов – в первую очередь, под эгидой ООН [Повестка дня., 1992]. На практике реализация всех этапов урегулирования (особенно последних трех) осуществима лишь при участии внешних игроков.

С точки зрения авторов, терминология, представленная в докладе Б. Бутроса-Гали, особенно применительно к этапам с активным использованием военных инструментов («миротворчество» и «поддержание мира», а также операции по их осуществлению), является наиболее емкой и верно отражает сущность осуществляемых мер. В разработках западных ученых в качестве синонима этих терминов (особенно при характеристике деятельности НАТО и ЕС) обычно используется понятие «кризисное регулирование» («международное кризисное регулирование») (см.: [The Bundeswehr., 2009]). Однако вследствие представленных выше различий между понятиями «вооруженный конфликт» и «военно-политический кризис» использование данного термина, думается, не совсем корректно.

Началом военно-политического кризиса, инициатором которого выступает государство (группа государств, международная структура), является заявление об угрозе масштабного применения силы, а завершением – начало ее реализации либо отказ от этого. Военно-политические кризисы, возникающие вследствие действий структур международного терроризма, развиваются по иному сценарию: в ответ на применение силы (обычно против мирного населения с целью его устрашения) страна, подвергшаяся нападению, начинает полномасштабную военную операцию. В качестве юридической основы для этого, как показывает практика, государства обычно указывают статьи о праве на самооборону (ст. 51 Устава ООН (1945), ст. 42 Договора о Европейском союзе (2010)¹ и ст. 5 Ва-

¹ Так, Германия присоединилась к деятельности второй западной анти-террористической коалиции (создана по инициативе США в сентябре 2014 г.) для борьбы с «Исламским государством» лишь в декабре 2015 г. после совершения террористических актов в Париже 13 ноября 2015 г. Юридической основой выступала ст. 42 Договора о ЕС.

шингтонского договора (1949)), прибегая к созданию международных коалиций¹.

Соответственно, урегулирование теоретически возможно лишь в отношении первого вида военно-политических кризисов. Большинство из них, учитывая стратегический масштаб их последствий, являются проблемами глобального уровня, а потому в той или иной степени затрагивают практически всех акторов на международной арене. Эти акторы могут исполнять следующие функции:

- 1) инициировать военно-политический кризис (к данной категории следует также отнести акторов, готовых оказать инициаторам не только политическую, но и военную помощь);
- 2) поддерживать инициаторов кризиса только в политическом плане;
- 3) занимать позицию неучастия;
- 4) стремиться к урегулированию кризиса, будучи третьей стороной;
- 5) выступать объектом для применения военной силы.

В рассмотренных выше военно-политических кризисах (см. табл. 1) подавляющее большинство малых и средних государств занимало позицию неучастия. Роль инициаторов и поддерживающих сторон принадлежала преимущественно ведущим странам Запада – в первую очередь, США и Великобритании. Реальными возможностями по урегулированию военно-политических кризисов обладает лишь ограниченное число наиболее влиятельных государств (держав); при этом в большинстве случаев данные функции берут на себя ключевые акторы за пределами Евро-Атлантического сообщества – особенно Россия (с конца 1990-х годов), а также Китай (с конца 2000-х годов).

Уместно выделить два основных средства урегулирования военно-политических кризисов.

¹ После событий 11 сентября 2001 г. США предпочли создать первую западную антитеррористическую коалицию вне механизма НАТО, что предлагали европейские государства – члены Альянса. Соответственно, де-факто ст. 5 Вашингтонского договора активирована не была.

1. Ведение параллельных переговоров с инициаторами кризиса и государством – объектом применения силы. Целью переговоров является поиск решения (обычно направленного на устранение повода или причины для начала кризиса), лишаящего базовой аргументации страны, готовящиеся к началу войны.

Так, в период нарастания напряженности вокруг Ирака (с 5 февраля по 19 марта 2003 г.) группа акторов РФ–ФРГ–Франция при поддержке ООН и МАГАТЭ стремилась, несмотря на сопротивление иракских властей, интенсифицировать работу инспекционных групп данных международных организаций по исследованию потенциальных объектов на территории Ирака, где могло осуществляться производство и хранение ОМП¹. При доказательстве отсутствия ОМП в Ираке операция «коалиции желающих» во главе с США и Великобританией теряла бы основания для проведения [Заявление.., 2003]. Понимая высокую вероятность такого развития событий, англосаксонские державы ускорили подготовку войны и начали боевые действия 20 марта 2003 г., до завершения работы инспекционных миссий.

Инициаторами военно-политического кризиса в Сирии в 2013 г. выступили страны Запада во главе с США и монархией Аравийского полуострова, бездоказательно возложившие на правительство Сирии ответственность за применение химического оружия вблизи Дамаска 24 августа 2013 г. В условиях стремительно развивавшегося военно-политического кризиса президент РФ В.В. Путин 9 сентября 2013 г. выступил с инициативой по уничтожению имеющихся в распоряжении властей Сирии запасов химического ОМП под международным контролем. В результате переговоров, проводившихся под эгидой ООН, США согласились с данным планом и, формально отложив проведение боевой операции [О переговорах.., 2013], на деле отказались от ее проведения.

2. Осуществление третьей стороной военных демонстраций для оказания давления на инициаторов кризисов и в меньшей сте-

¹ Главным «камнем преткновения» оставался вопрос об инспекции президентских дворцов С. Хусейна. Уже после окончания войны инициаторы войны были вынуждены признать отсутствие следов производства и хранения ОМП на территории Ирака к 2003 г.

пени – на государство – объект применения силы. Однако на практике использование данной возможности затрудняется вследствие следующих причин:

- опасности перерастания мер по военному сдерживанию в полноценный политический (при наихудшем сценарии – силовой) конфликт;

- неготовности третьей стороны, понимающей вышеуказанную опасность, пойти на масштабные военные демонстрации, если не затрагиваются ее жизненно важные интересы.

Эти причины особенно значимы, когда военно-политические кризисы инициируются группой держав НАТО, обладающих огромным силовым потенциалом. Неудача в использовании данных средств приводит к тому, что военно-политический кризис перерастает в военный конфликт. В свою очередь, его результатом может стать критическое ослабление мощи государства, в отношении которого совершена агрессия, с последующим превращением его в очаг нестабильности, на территории которого будут развиваться новые вооруженные конфликты. Примером реализации такого сценария является Ирак: после кампании 2003 г. он распался на три образования (курдский север, суннитский «треугольник» в центре и шиитский юг), а с 2013–2014 гг. северные и центральные районы страны подверглись ударам и частичной оккупации со стороны «Исламского государства» и других террористических группировок.

В мире возрастает число государств, находящихся на различных стадиях развития и урегулирования внутренних вооруженных конфликтов. В условиях глобализации территории данных стран, будучи очагами нестабильности, представляют угрозу безопасности не только для сопредельных государств, но и для всего международного сообщества. Главными «производными» развития вооруженных конфликтов являются угрозы международного терроризма и неконтролируемой миграции.

Данная тенденция становится причиной рассредоточения ресурсов акторов (в первую очередь, держав и международных организаций), участвующих в урегулировании. Это приводит не

только к росту расходов на военные цели (и, соответственно, сокращению «гражданских» статей бюджета), но и часто обуславливает *реактивный* характер внешней политики, заставляя государства перенаправлять ресурсы с одного угрожающего направления на другое. Подобный способ действий ставит страну в оборонительное положение и тем самым лишает ее значительной доли имевшегося влияния. При этом переход к стратегически продуманному курсу (в том числе основанному на превентивных мерах) в условиях роста числа вооруженных конфликтов весьма труден и обычно требует от державы синхронных внешнеполитических действий с другими ведущими игроками.

Существуют ли предпосылки для перелома сложившейся ситуации? С точки зрения авторов, уместно выделить две такие предпосылки. Первая – наблюдаемый консенсус большинства держав в мире – как западных, так и расположенных за пределами Евро-Атлантического сообщества – в вопросах борьбы с международным терроризмом. Особенно отчетливо это проявлялось в тех случаях, когда была высока вероятность, что территории охваченных вооруженными конфликтами стран (Сирия в 2015–2016 гг., Мали в 2012–2013 гг., Сомали с начала 2010-х годов) полностью попадут под контроль террористических группировок. Вторая предпосылка – уменьшение влияния держав Евро-Атлантического сообщества, сопряженное с ростом влияния ведущих незападных государств на глобальном уровне. С одной стороны, это может подтолкнуть ряд стран первой категории (в первую очередь, США) к демонстрации готовности одностороннего применения силы; с другой – способствовать урегулированию военно-политических кризисов. Эти тенденции, с точки зрения авторов, будут отчетливо проявляться уже в среднесрочной перспективе.

Тем не менее главной проблемой в урегулировании вооруженных конфликтов по-прежнему остается отсутствие принципов и правил участия в этом процессе на уровнях региональных подсистем, а также отсутствие глобальной системы, как это было в период холодной войны.

Список литературы

Заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина для прессы и ответ на вопрос по окончании беседы с Федеральным канцлером ФРГ Г. Шрёдером, Берлин, 9 февраля 2003 г. / МИД РФ. – М., 2003. – 09.02. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/533046 (Дата обращения – 30.04.2018).

Иванов И.С. Неделимость безопасности в глобальном мире / РСМД. – М., 2011. – 23.12. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/nedelimost-bezopasnosti-v-globalnom-mire/> (Дата обращения – 30.04.2018).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / МИД РФ. – М., 2016. – 30.11. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения – 30.04.2018).

Краткая хронология миротворческой операции по принуждению Грузии к миру / МИД РФ. – М., 2008. – 30.09. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/322750 (Дата обращения – 30.04.2018).

Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. – М.: АСТ: Астрель, 2003. – 778 с.

О переговорах министра иностранных дел России С.В. Лаврова с госсекретарем США Дж. Керри / МИД РФ. – М., 2013. – 16.09. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/96678 (Дата обращения – 30.04.2018).

Повестка дня для мира: Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира: Доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением, принятым 31 января 1992 года на заседании Совета Безопасности на высшем уровне / ООН. Генеральная Ассамблея. Совет Безопасности. – Нью-Йорк, 1992. – 02.07. – 26 с. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/24111> (Дата обращения – 30.04.2018).

Социология современных войн / Под ред. И.П. Рязанцева, П.А. Цыганкова. – М.: Альфа-М, 2004. – 156 с.

Bendick A. Der Konflikt im ehemaligen Jugoslawien und die Europäische Integration. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. – 348 S.

Burton J.W. Conflict resolution as a political philosophy // Conflict resolution, theory and practice: Integration and application / D.J. Sandole, H. van der Merwe (Eds.). – Manchester: Manchester univ. press, 1993. – P. 55–64.

Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 382 p.

Critical issues in peace and conflict studies: Theory, practice, and pedagogy / Th. Matyók, J. Senehi, S. Byrne (Eds.). – L.: Lexington Books, 2011. – 448 p.

Galtung J. Peace and conflict studies as political activity // Critical issues in peace and conflict studies: Theory, Practice, and Pedagogy / Th. Matyók, J. Senehi, S. Byrne (Eds.). – L.: Lexington Books, 2011. – P. 3-18.

Haus Ch. International conflict resolution. – N.Y.; L.: Continuum International Publishing Group, 2010. – 240 p.

Ramsbotham O., Woodhouse T., Miall H. Contemporary conflict resolution. – L.: Polity Press, 2011. – 508 p.

Sarkees M.R. The COW typology of war: Defining and categorizing wars: Correlates of War Project. – Wash., D.C., 2010. – 32 p. – Mode of access: http://cow.la.psu.edu/COW2%20Data/WarData_NEW/COW%20Website%20-%20Typology%20of%20war.pdf (Дата обращения – 30.04.2018).

Seckinelgin H. International security, conflict and gender: «HIV/AIDS is another war». – N.Y.: Routledge, 2012. – 198 p.

The Bundeswehr on operations: Publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed Bundeswehr missions abroad / Federal ministry of defense. – Berlin, 2009. – 120 p.

The handbook of global security policy / M. Kaldor, I. Rangelá (Eds.). – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2014. – 542 p.

Toth R. Zwischen Konflikt und Kooperation: Fünfzehn Jahre Friedenskonsolidierung in Bosnien-Herzegowina. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – 220 S.

Wallensteen P. Understanding conflict resolution: War, peace and the global system. – L.: SAGE Publications, 2011. – 360 p.

Waltz K. Theory of international politics. – N.Y.: Waveland Press, 2010. – 256 p.

Weber M. The theory of social and economic organization. – N.Y.: Simon and Schuster, 2009. – 448 p.

Weissbuch zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2006. – 150 S.

Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesregierung. – Berlin, 2016. – 144 S.

Yigit N. Arab spring in Berlin and Paris: German and French foreign policy between continuity and change. – Hamburg: Anchor, 2015. – 68 p.